

**ТРАДИЦИИ Б. ПАСТЕРНАКА В ПОЭЗИИ А. ТВАРДОВСКОГО**

Статья посвящена сопоставительному анализу традиций Б. Пастернака в контексте поэзии А. Твардовского. Анализируется общее и отличное в индивидуально-авторском стиле Б. Пастернака и А. Твардовского.

This article is devoted to the comparative analyses of traditions in the context of the B. Pasternak's poetry A. Tvardovsky. It elucidates the common and the distinctive traits in the individual author's style of B. Pasternak and of A. Tvardovsky.

Трудно было найти более несовместимых антиподов в советской литературе, чем автор «Геркина» и автор «Доктора Живаго», не говоря уже об особо сдержанном отношении А. Твардовского к Б. Пастернаку после его «дела» 1958 г. (однако стоит подчеркнуть, что Твардовский был одним из немногих, кто выступал против исключения поэта из Союза писателей).

Мало документировано отношение А. Твардовского к Б. Пастернаку. А. Твардовский с юношеских лет включал Б. Пастернака в число наиболее талантливых мастеров советской поэзии. Поэтика Б. Пастернака была ему чужда. Но он старался подойти к ней объективно и внимательно. В печати он очень хвалил переводы Б. Пастернаком Шекспира, сравнивая их ценность с воинским

подвигом, но воздерживался от определенных высказываний о творчестве самого Б. Пастернака. В беседах редко задевал эту тему, но до конца жизни сохранял чувство неприятия существенных элементов творчества Б. Пастернака.

Основными причинами были сложность текстов Б. Пастернака и его ориентация на европейскую культуру. А. Твардовский писал, например, что у Б. Пастернака «подчас небольшое лирическое стихотворение требует «ключа» для расшифровки заложенных в нем «многоступенчатых» ассоциативных связей, намеков, иносказаний и умолчаний» [1, т. 5, с. 161]. Б. Пастернак вводил в свои стихи слова и речения, которых чурались поэты предшествующих поколений, особенно символисты. Кроме того, поэт стремился к точности словесного употребления, которая, по его мнению, должна увести от шаблона, от привычных словосочетаний, выражающих привычные представления. Б. Пастернак нарушает привычные для нашего слуха нормы. Нужны навыки для постижения этого синтаксиса. Слова могут быть обычными, но их расстановка в строфе крайне необычна и потому затруднена. В статье «Поэзия Михаила Исаковского» (1949–1969) талант Б. Пастернака был определен А. Твардовским как «яркий и своеобразный», но отмечалось, что поэт видит мир с точки зрения «интеллигентных горожан», иначе, чем крестьянин, работающий на земле [1, т. 5, с. 222].

Тем не менее, А. Твардовский констатировал существенное влияние Б. Пастернака на современную поэзию и считал необходимым популяризировать его творчество. В тридцатые годы А. Твардовский писал о значимости и для себя поэтической традиции Б. Пастернака, отмечая при этом не всегда удачные собственные попытки уйти от подражательности, например, в книге стихов 1933 г. В шестидесятые годы А. Твардовский, читая присылаемые ему стихи других, молодых поэтов, видел в этих текстах связи с поэзией Б. Пастернака (1965 [1, т. 6, с. 228]), отмечал, что длительное отсутствие переизданий текстов Пастернака вредит русской литературе.

Есть основания полагать, что на Пастернака могут быть ориентированы некоторые послевоенные тексты А. Твардовского. Примером служит стихотворение «Свет – всему свету!», входящее в цикл стихов о Сибири (40–50-е гг.) и связанное с циклом Б. Пастернака «Петербург». Б. Пастернак пишет о творческом порыве сильной личности, Петра, творящего историю, о строительстве нового города, о вхождении России в цивилизованный европейский мир. А. Твардовский создает проникнутый идеологией текст о сплочении человеческой массы в коллективном труде, прежде всего – о работе женщин, о сооружении линии электропередач на Урале.

В текстах речь идет о создании из хаоса, стихии некоей рациональной организации, о деятельности человека-творца, в процессе которой осваивается, пересоздается природный мир – балтийское или уральское естественное пространство.

А. Твардовский наследует характерный для поэтики Б. Пастернака прием: частное бытовое событие, изображенное в тексте, воспринимается как симво-

лическое, судьбоносное, его описание переводится на уровень обобщений. По такому принципу построены многие тексты Б. Пастернака, например, «Урал впервые», «На пароходе», «Весенний дождь», «Ожившая фреска» и др.

Оба текста сохранили на себе следы влияния на авторов одних и тех же историко-философских концепций судьбы России – идей восточничества и евразийства.

Восточнические и евразийские идеи оказали сильное влияние на творчество Б. Пастернака. В цикле «Петербург» он рассматривает деятельность Петра как попытку установить в России гармоничное единство западного и восточного начал.

Освоение юго-восточных русских территорий в текстах А. Твардовского конца 40-х – начала 50-х гг., как и в русской литературе середины века в целом, в свою очередь связывается с воспоминаниями о Петре (очерк «На Ангаре», поэма «За далью – даль»).

В поэме «За далью – даль», говоря о соединении Запада и Востока, о строительстве Волго-Донского канала на юге России и сети водохранилищ, соединивших в конечном счете Балтийское море с Черным, А. Твардовский также упоминает Петра [1, т. 3, с. 225].

Тексты Б. Пастернака и А. Твардовского объединяет общая идея попытки осуществления синтеза в России между наукой, планом, западным началом, цивилизацией и началом естественным, стихийным, природным, хаотическим. Только у Б. Пастернака в тексте это соединение происходит в топосе, близком Европе, а у А. Твардовского – в топосе, который расположен на границе с восточным пространством.

В названных топосах объединяются противостоящие друг другу способы социального устройства. У Б. Пастернака строящийся город на Неве Петр знакомит «С империей – царство, край с краем», у А. Твардовского в Предуралье, где идет строительство, совмещается кочевое начало и начало цивилизации: *Музыка, гомон, // Урчанье моторов. // Табор – не табор, // Город – не город* [1, т. 1, с. 36].

Оба поэта в центр текста ставят образы строительства, деятеля, его ведущего и природного пространства, где разворачивается строительство. У Б. Пастернака местом событий названы «таежные топи», у А. Твардовского – лес. В текстах описаны приметы стройки, бытовые детали. Оба текста насыщены технической лексикой, обозначениями инструментов, механизмов и иных приспособлений для строительства. У Б. Пастернака – рубанки, снасти, у А. Твардовского – моторы, повозки, радиорупор, сигнальные флаги и др. У обоих поэтов в сильной позиции помещен редкий в русской поэзии образ: прямая линия улицы или просеки, траектория пули. Например, у Б. Пастернака: *Как в пулю сажают вторую пулю // Или бьют на пари по свечке, // Так этот раскат берегов и улиц // Петром разряжен без осечки* [2, т. 1, с. 44].

У А. Твардовского: *Через отлогий // Увал каменистый // Просека вдаль // Уносила, как выстрел* [1, т. 1, с. 36].

Однако у Б. Пастернака в качестве деятеля выступает сильная личность, Петр, у А. Твардовского – подробно описанный «всяческий люд», весь народ.

В обоих случаях поэты используют тонический стих – дольник.

Но А. Твардовский делает форму стихотворения менее разнообразной. Он использует только четырехъиктный дольник, и разбивает стих на две двухъиктных строки. У Б. Пастернака первый фрагмент, на уровне стиха менее повлиявший на текст А. Твардовского, написан стихами четырехъиктного и трехъиктного дольника, а третий – двухъиктным дольником. Ритм третьего фрагмента напоминает ритм стихотворения А. Твардовского: *Канады на прибыли, // Нева прибывает, // Он северным грифелем // Наносит трамвай. // Попробуйте, ляте-ка // Под тучею серой, // Здесь скачут на практике // Поверх барьеров* [2, т. 1, с. 46].

Для текста Твардовского характерны женские клаузулы, для текста Пастернака – женские и дактилические.

Лексический состав текста Б. Пастернака – мамки, дядьки, бары. У А. Твардовского – разговорные гомон, мужики, девчонки, бабий, люд, дай подойдем, захолюстный, частица ну.

Тексты объединяет выраженное сходство на уровне синтаксиса.

Характерная черта текста А. Твардовского – обилие перечислений, чаще всего однородных подлежащих или назывных предложений. В обоих случаях перечисляются обычно противопоставляемые, но объединенные, уравненные в данном контексте элементы. Например, у Б. Пастернака: *Болото, земля ли, иль море, иль лужа, – // Мне здесь сновиденье явилось, и счеты // Сведу с ним сейчас же и тут же* [2, т. 1, с. 44].

В тексте А. Твардовского присутствует скрытая полемика с текстом Б. Пастернака. Б. Пастернак констатирует невозможность установления гармонии между европейским рациональным началом и русским стихийным. Петру, как показывает в цикле «Петербург» Б. Пастернак, не удалось сделать Россию европейской страной, не удалось гармонично соединить в ней Запад и Восток, цивилизацию и природу. Стихийное, природное начало берет верх в творце и окружающем его мире. Например:

*Волн наводнения не удержишь сваями. // Речь их, как кисти слепых повитух. // Это ведь бредили ты, невменяемый, // Быстро бормочешь встух* [2, т. 1, с. 46].

У А. Твардовского идея стихотворения оказывается подчиненной государственной идеологии с ее культом коллективизма и поворотом в сторону Востока: синтез цивилизации и природы осуществлен силой коллективного труда и происходит это на границе с азиатской территорией России. Содержание стихотворения А. Твардовского сочетается с историософскими проблемами самоопределения России.

В середине шестидесятых годов, на новом этапе своего творчества А. Твардовский вернется к полемике с Б. Пастернаком и напишет стихотворение, где покажет противоборство разума, цивилизации и стихии в образах, близ-

ких четвертому фрагменту цикла Б. Пастернака. В стихотворении 1965 года об Иркутской ГЭС снова конкретная ситуация будет выведена на уровень обобщений: *Как глубоко ни вбиты сваи, // Как ни силен в воде бетон, // Вода бессонная, живая // Не успокоится на том. // Века пройдут – не примирится, – // Ей не по нраву взаперти. // Чуть отвернись – как исхитрится // И прососет себе пути. // Под греблей, сталью проплетенной, // Прорвется – прахом все труды // – И без огня и без воды // Оставит город миллионный* [1, т. 3, с. 161].

Однако, несмотря на неприятие А. Твардовским поэтики Б. Пастернака, некоторые черты их творчества перемежаются. У А. Твардовского наблюдается тяготение к высокому слогу, который подчинен прославлению героизма воинов. Примером может служить словосочетание «у Сталинграда вещей битвы жар» из стихотворения «Возмездие»: *У Сталинграда вещей битвы жар // Простерся в вечности заревом кровавым, // И, чуя гибель, враг от нас бежал, // Гонимый вспять оружием нашим правым* [1, т. 2, с. 133].

Разница лишь в том, что в стихах Б. Пастернака о войне поэт «заговорил высоким слогом», возвышенно-отвлеченным, в частности, «архаическими абстракциями, широко вошедшими тогда в литературный обиход», но не для прославления героизма воинов, а для раскрытия религиозного смысла поступков, совершаемых бойцами. Так, в стихотворении «Старый парк» слово «свет» (небесный, в противном случае текст обесмысливается) в сочетании со словом «величие» дает читателю представление об обетованном царстве вечности, уготованном пожертвовавшему собой саперу: *Жить и сгорать у всех в обычае, // Но жизнь тогда лишь обесмертишь, // Когда ей к свету и величию // Своею жертвой путь прочертишь* [2, т. 1, с. 369-370].

Примечательно, что размышления А. Твардовского на тему поэта и поэзии берут свои истоки из размышлений Б. Пастернака, который в стихотворении «Определение поэзии» (1941 г.) не находит ничего более емкого и точного для передачи сущности искусства, чем перечисление явлений окружающего мира: *Это – круто налившийся свист, // Это – щелканье сдавленных льдинок, // Это – ночь, леденящая лист, // Это – двух соловьев поединок* [2, т. 1, с. 88].

У А. Твардовского поздних лет над традиционной темой о поэте и поэзии раздумывает лирический герой во многих стихотворениях, например, в произведении 1959 года «Жить бы мне соловьем-одиночкой...»: *Жить бы мне век соловьем-одиночкой // В этом краю травянистых дорог, // Звонко выщелкивать строчку за строчкой, // Циклы стихов заготавливать впрок* [1, т. 1, с. 129].

Образ соловья в произведениях поэтов не случаен, каждый из них сам выражает своё отношение к поэзии при помощи этого образа. Б. Пастернак пребывает в контакте, взаимодействии и даже противодействии с другими поэтами. А. Твардовский отказывается от такой тенденции и желает действовать в одиночку.

Обобщая, можно отметить, что наиболее близки традиции Б. Пастернака были А. Твардовскому в самом раннем творчестве, когда он учился у своего пред-

шественника мастерству и с его традицией порывал, и в творчестве последних десяти-пятнадцати лет, когда Твардовскому стали понятны и близки его идеи.

### **Список литературы**

1. Твардовский, А.Т. Собрание сочинений : в 6 т. / А.Т. Твардовский. – М. : Худ. лит., 1976–1983.
2. Пастернак, Б.Л. Стихотворения и поэмы : в 2 т. / Б.Л. Пастернак. – Л. : Сов. писатель, 1990.